

ДИСКУРС ЗАВОЕВАТЕЛЯ

(на материале «Немецко-русского словаря для солдата» 1941 г.)

В статье проводится дискурсивный анализ лексического репертуара краткого двуязычного словаря-разговорника для военнослужащих Вермахта, изданного в начале 1941 г.

Ключевые слова: война против СССР, Вермахт, словарь-разговорник, немецкий язык, военный дискурс, лексема, тематические группы

Военный дискурс относится исследователями к институциональному (статусно-ориентированному) типу, определяется как исторически динамичный и иногда подразделяется на формальный/неформальный, а репрезентирующие его многообразные тексты и контексты отличают исходная четкость и структурированность. Комплексный анализ военного институционального дискурса невозможен в частности без выявления и рассмотрения системы ключевых концептов («Война», «Армия», «Оружие» и др.) как индикаторов его специфики, позволяя анализировать структуру общения в рамках дискурса, помогая понять особенности идеологии, мышления в данном конкретном социально-языковом институте [Юсупова 2009: 1055, 1057; Данилова 2014].

В последнее время появились пока немногочисленные междисциплинарные диахронические исследования языковой ситуации и немецкоязычного военного дискурса периода ВОВ 1941-1945 гг. Так, например, анализируются формы и методы внедрения немецкого языка (т. н. активный словарь: политика «германизации» в области топонимики и замена кириллицы на латиницу как десоветизация; обучение немецкому языку населения, медиа-тексты властей) на оккупированных территориях СССР, определяется, как основные интенции оккупационной администрации отражались в языковой политике, на каких уровнях происходила корректировка в области языковой политики [Дацишина 2012]. В частности особый интерес представляют исследования средств коммуникации оккупантов, их контактов в новой среде, ведения пропаганды на оккупированных территориях и анализ соответствующих ей текстотипов (листовки, плакаты, календари, тексты оккупационных СМИ).

Уникальный материал предоставляют лексикографические источники времен ВОВ, в частности двуязычные словари и разговорники для военнослужащих Вермахта [Резяпкин]. Так, Вермахт к моменту нападения на СССР был определенным образом подготовлен для общения с местным русскоязычным населением, с пленными и располагал многообразными

массовыми печатными малоформатными пособиями (также иллюстрированными и изданными в известной серии «Duden») типа базовых разговорников самого разного качества. Некоторые из них появились еще до начала войны и опирались на военные издания 1914-1918 гг. [Stummer Dolmetsch]. Военный словарь-разговорник можно рассматривать как связный текст в совокупности с жизненными, социокультурными, психологическими, идеологическими и другими факторами, как особый текст в событийном аспекте ситуации войны.

Интерес представляет анонимный немецко-русский словарик, относящийся к началу военных действий против СССР, к начальному периоду войны 06.1941-11.1942 гг., когда на оккупированных территориях уже оказались миллионы советских граждан, военнопленных и был установлен контроль Германией на части территории СССР. Этот известный типовой военный разговорник для Вермахта раннего образца почти полностью состоит из словаря, включая очень скудную разговорную часть. Первое его издание вышло в конце лета – начале осени 1941 г., на что указывает перевод указателя-сноски: “nach Lemberg / направление до Львова” [SW, S.5] (город был занят немецкими войсками 30.06.1941 г.). Малоформатный словарик вышел в издательстве «E.S. Mittler & Sohn», одном из старейших в Германии (осн. в 1789 г., <http://www.mittler-books.de/index.html>), специализирующемся на военной и учебной литературе, и был массово переиздан там же в ноябре 1942 г.

Берлинское издательство «E.S. Mittler & Sohn» выпустило первый военный разговорник еще будучи «кайзеровским», использовало опыт войны 1914-1918 гг. и удерживало звание важнейшего военного издательства. С 1939 г. оно обеспечивало Вермахт типовыми военными разговорниками на всех языках союзников и противников Германии. Первый тираж издания 1941 г. явно был рассчитан на короткое время пользования, поскольку агрессоры не сомневались, что война с СССР быстро завершится и словарик в данном качестве не понадобится. Краткосрочные европейские кампании Рейха показали, что объем в 1000-2000 слов мог быть достаточен для победоносной военной акции.

В начальном разделе разговорника “Redensarten” (S.4-5) представлен скудный набор контактоустанавливающих приветствий, извинений, реакций, клише вежливых обращений. например, в ситуации покупки или ориентации на местности, обнаружения соответствий (Wie heißt auf Russisch?). Также даны парадигмы базовых глаголов sein, haben и образцы шаблонных фраз с ними. Этот нейтральный набор ближе к элементарному речевому репертуару путешествующего, но не военнослужащего.

Диссонансом в этом перечне звучат лишь команды: Halt! Hände hoch! и фраза в возможной ситуации дознания: Befindet sich N. zu Haus?, «выдавая» специфику издания. В разговорнике отсутствует традиционный для таких источников опросник (опрос местного жителя, ориентация на мест-

ности, допрос пленного). Практиковалось указание контактируемому лицу на нужное русское слово (словарь набран столбцами), что якобы должно было улучшить возможности коммуникации.

Алфавитный словник разговорника (S.5-76) построен по принципу переводных лексических соответствий (иногда это также русские атрибутивные словосочетания, УСК, аббревиатуры военного дела) без грамматических показателей. Это особенно затрудняет, например, понимание предлогов, видового значения некоторых глаголов, реалий, различение форм числа существительных, композит, синонимов, полисемии. Издание снабжено упрощенной транслитерацией русских слов (*ungefähre Aussprache* – как сказано в сравнительной таблице алфавитов). При этом слова приводятся иногда в их разговорном звучании/форме (безударные гласные и предложные сочетания), с указанием ударной гласной, выборочно – слогоделения. В русской части нередки ошибки или даже искажения, ср.: *тормаз*, *морожено*, *гребен* (*гребень*), *в близи*, *трубочисть*, *скотский вагон*, *конский завод*, *голь* (имеется ввиду *гал*), *коффе* (вместо *кафе*), *нести* (вместо *нестишь* – о курице). Русские мягкие согласные, сочетания согласных, фонемы и их альтернации, например, [ы], [е], [ё] и [э], [я], [л], [х], [ж] и [ш], [щ], [ч], [с] и [з], [ц] транслитерируются достаточно неадекватно.

Это свидетельствует о том, что разговорник не ориентировался на выработку навыков и/или даже исходной системы форм корректной речи военнослужащих Вермахта по-русски (кстати, даже само название вооруженных сил Третьего Рейха отсутствует), или на ведение допросов, чем занимались переводчики. Коммуникативная установка словарика отмечена скупо как минималистская: „Der Krieg [имеется в виду I-я Мировая война – С.Д.] hat gezeigt, wie mit einfachen Mitteln sich der deutsche Soldat überall verständigen kann. Die richtigen Worte, ohne Rücksicht auf Grammatik nebeneinander gestellt, genügen fast immer.“ В подзаголовке и в аннотации выделено декларативно в отношении отбора ЛЕ: „Rund 3000 Wörter für Feldgebrauch und tägliches Leben. Mit einem sehr geringen Wortschatz, ...die wichtigsten Ausdrücke“ (SW: S.1. 80).

Отдельно в словнике отмечены немногие команды, бытовые и ключевые для военнослужащих (особенно для постовых) фразы типа: *Aufstehen!* *Antreten!* *Stillgestanden!* *Halt!* *Vorwärts!* *Hinlegen!* *Was ist passiert?* *Uhrzeit?* *Weg!* *Hilfe!* *Vorsicht!* *Ich blute.* *Mir ist es warm!* *Wer?* *Wo?* *Womit?* *Wieviel?* *Was für ein?* *Er ist weg.* Вероятно, что они сознательно вынесены за рамки рассмотренного исходного раздела «Обороты речи» и рассеяны в словнике для поддержания в целом положительного имиджа военнослужащего Вермахта, который не выглядел бы агрессивным оккупантом-карателем, хотя обращают на себя внимание немногие ЛЕ «репрессивной» семантики: *bestrafen*, *festnehmen*, *verboten*, *erschossen* / *erschossen lassen*, *Beitreibung* (реквизиция), *Geisel* (заложник).

Тематически и инвентарно (т.н. базовая лексика) словник представляет собой пеструю и негармоничную смесь преобладающей общепотребительной лексики, многообразных реалий, разноплановых спецтерминов, а также очень непогих коллоквиализмов и бранной лексики, ср.: (das) Pack «сволочь», также пренебр. «сброд, подонки» (SW: S.49; БРНС 2: 176). Солдатские жаргонизмы в словаре практически не представлены [Жаргонный лексикон]. Примечательно отсутствие опоры на помсты (редкие исключения: elekt., milit., mediz., Eisenb.), интернационализмы или на германизмы в русском языке, что облегчило бы освоение лексики. Не обозначены и не структурированы в словнике синонимика и гипо- гиперонимические отношения ЛЕ. Но следует отметить фиксацию иконической лексики типа Rotes Kreuz (об-во Красного креста), Gelbkreuz (желтый крест, символика иприта), Blaukreuz (Голубой крест – общество трезвости свангелической церкви Германии, последний ошибочно назван в словнике по-русски «синим»).

Идеологические маркеры словника достаточно немногочисленны. Так, реалии нацистского режима в Германии и в подвластных территориях отмечены только ЛЕ Hackenkreuz, Gau «округ» (на новых территориях – С.Д.) и Nationalsozialismus (SW: S.28, 32, 47). По примечательно уничижительное маркирование еврейского населения: Jude, jüdisch «еврей (жид), еврейский (жидовский)» [SW: S.35]. При номинации партизан использовано как общеизвестное Partisanen, так и уничижительно-жаргонное в нацистской армии Heckenschütze («стрелок из кустов», также с криминальным оттенком значения «убийца из-за угла»). Но строевой красноармеец номинирован нейтрально как – Frontsoldat «фронтовик» (SW: S.26, 32, 50; БРНС 1: С.501, 608). ЛЕ Ostern, Pfingsten, Weihnachten, Kirche, Pfarrer, Kapelle, Kirchturm маркируют приверженность оккупационных властей к возрождению христианских праздников, церковных зданий и богослужения, а Schutzpolizist «городовой» и Gutsbesitzer «помещик» вызывают ассоциации с досоветским строем. Станным образом в немецкой части приведен далеко не общеизвестный русизм (полонизм) Starost «староста» (SW: S.63), видимо, важный для политики поддержки коллаборационистов.

В словаре практически отсутствуют понятия, идеологемы и реалии, относящиеся к войне именно с СССР (см. только ЛЕ Rußland, Kriegsgebiet «район военных действий») типа Sowjets, Sowjetarmee, Kommunist / Bolschewik, Komissar, deutsch, Deutschland, das Dritte Reich, Besetzung и т.п., а ЛЕ Führer приведена в значении «вождь (проводник)».

Наглядны следующие примеры, отражающие «качество» словника. Так, несистемность и избыточность в лапидарном по установке отборе лексического материала заметны при множественном обозначении нефти как Erdöl (общеупотребительное), Rohöl («сырая нефть») и Naphta (ЛЕ маркирована австрийским узусом) (SW: S.20, 47, 65; БРНС 1: С.429, БРНС 2: С.135, 265). Явно избыточно для лапидарного словника обозначение поч-

товой бумаги как Briefpapier и Briefbogen, ночлега как Nachtlager и Nachtquartier, перекрестка как Straßengabel и Straßenkreuzung (SW: S.15, 46, 64). Неадекватно передано название Staufferfett «солидол, консистентная смазка» как малопонятное «сало Штауффера» (SW: S.63; БРНС 2: С.386). Немецкое Pastete передается как «пирог», но точнее это «пирожок с мясом (с рыбой)» (SW: S.50; БРНС 2: С.183). Недопонимание мог вызывать перевод Soldatenheim как «солдатский дом» (имеется в виду клуб, а не жилище), Hoheitsgewässer как «государственные воды» (вместо «территориальные») (SW: S.34, 61).

Среди тематических групп лексики можно отметить как доминирующие: *военное дело, право и вооружение; питание и провиант; топливо; военный транспорт и средства связи; санитария и болезни, физкультура; плен и содержание военнопленных*. Лишь некоторые из них актуализированы ситуацией и спецификой войны с СССР в новых условиях: *зимнее обмундирование; технологии кошой тяги и упряжь*. Однако отдельные реалии, например, в меню питания не могли быть ориентированы на рядовой состав, например, Hummer (омар), Störfleisch (осетрина), Apfelsinen, названия изысканных сортов сыра. Примечательно отражение в словнике лексических реалий, относящихся к отравляющим веществам, химзащите и к ведению химической войны, в возможности которой уже на начальном этапе гитлеровцы не сомневались.

Значительна стратификация тематических групп, обусловленная ориентацией оккупационных войск на привлечение пленных, гражданских специалистов, рабочей силы, персонала и разнообразных услуг на занятых территориях: *автодело и починка транспорта; лазареты и лечение; почта; коневодство; квартирование и постой, оборонительно-строительные и дорожные работы; ремонт обуви и амуниции; энерго- и водоснабжение; заготовки и бытовое обслуживание* и др. Эта лексическая стратификация свидетельствует, что «победоносные» оккупанты надеялись на длительное пребывание и определенную интеграцию.

В целом «Солдатский словарь» явно демонстрирует идеологически и манипулятивно некоторую размытость статусного компонента немецкого военного дискурса в пользу личностного (имиджевого) компонента. Военнослужащий Вермахта предстанет в зеркале словаря как солдат-профессионал военного ремесла, как всесторонне квалифицированный специалист, уделяющий внимание быту, здоровью, питанию, переписке, детально ориентирующийся в военном деле, в технике и т.п. Но вовсе не как отправитель приказов, агрессор, носитель идей аннексии или реванша за поражение в Первой мировой войне, или как активный проводник нацистской политики на захваченных территориях СССР – непримиримого противника Рейха в его политике «борьбы двух идеологий» и покорения «неполноценного противника» любыми методами ведения войны. Эта «маска» была особенно необходима Вермахту (т.н. «армейцам») как основной воен-

ной силе Германии (но не войскам СС) на начальном этапе войны, которая декларировалась как «справедливая и освободительная», как оправданный упреждающий ответ на подрывную политику и неизбежную грядущую агрессию СССР против Германии.

Библиографический список

1. Большой немецко-русский словарь в 2-х томах / Ред. О.И. Москальская и др. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 1-2. (БРНС)
2. Данилова С.А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. № 1. С. 1-10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-voennogo-ritualnogo-teksta> (дата обращения 12.02.2015).
3. Дацишина М.В. Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий 1941–1944 гг. // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 66-87.
4. Жаргонный лексикон солдат Вермахта 1939-1945 гг. // URL: <http://hodar.ru/post/21031/> (дата обращения 12.02.2015).
5. Резяпкин А. Военные разговорники. Открытия, которые потрясли мир // Неправда Виктора Суворова - 2. М.: Яуза / Эксмо, 2008 // URL: http://militera.lib.ru/research/1/art/index_340_41632.html (дата обращения 12.02.2015).
6. Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2009. Т. 11. № 4(4). С. 1055-1057.
7. „Stummer Dolmetsch“, „Wehrmacht-Sprachführer“ und „Bilder-Wörterbuch“: Hilfsmittel zur Verständigung mit dem Feind im Zweiten Weltkrieg // URL: <http://www.uebersetzerportal.de/nachrichten/n-archiv/2004/2004-06/2004-06-14.htm> (дата обращения 12.02.2015).
8. Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941. 80 S. (SW)

S.I. Dubinin (Russland, Samara)

DISKURS EINES EROBERERS (am Beispiel des deutsch-russischen Soldaten-Wörterbuchs 1941)

Im Aufsatz werden die diskursiven Besonderheiten des deutsch-russischen Soldaten-Wörterbuchs (1941) untersucht.

Stichwörter: *Krieg gegen die UdSSR, Wehrmacht, Sprachführer, Deutsch, militärischer Diskurs, Lexem, thematische Gruppen*